

А. В. Келлер

**«НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ВИЛЛИ БРАНДТА
В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
МЕЖДУ ФРГ И СССР 1963–1973 гг.**

УДК 94(470):94(430.1)

ББК 63.3(2)633+63.3(4Фед)63

В статье показано, что формально сходные позиции христианского демократа Герхарда Шрёдера и социал-демократа Вилли Брандта в вопросах восточной политики при ближайшем рассмотрении оказываются принципиально различными. Не случайно поэтому Брандт и его пресс-секретарь Эгон Бар называют ее «новой восточной политикой» (*neue Ostpolitik*): она определила иной формат диалога со странами так называемого восточного блока во главе с Советским Союзом. Различие позиций Шрёдера и Брандта становилось все более очевидным с конца 1969 г., когда Брандт, уже будучи на посту федерального канцлера, стал целенаправленно проводить ее в необычайно быстром темпе. Делается вывод, что именно благодаря конструктивной позиции Вилли Брандта и Леонида Брежнева за относительно короткий срок — с 1970 по 1973 гг. — был заключен ряд «восточных договоров» (*Ostverträge*) или договоров об отказе от насилия (*Gewaltverzichtsverträge*). Фактор тесного диалога Брандта и Брежнева привел к разрядке международной напряженности. Падение Берлинской стены в 1989 г. стало его логическим продолжением

Ключевые слова: *Л. И. Брежнев, Вилли Брандт, «новая восточная политика», «холодная война», разрядка, энергетическая безопасность, «новое мышление»*

«Новая восточная политика»

Импульсом к написанию этого исследования послужила статья М. В. Стрельца,¹ в которой автор пытается доказать вторичность концепции Брандта²-Бара³ по отношению к идеям и высказываниям министра иностранных дел Герхарда Шрёдера.⁴ Сравнивая программные

речи Бара и Шрёдера, мы покажем, что последний ставит совершенно иные акценты и высказывает идеи в контексте непримиримого идеологического противостояния с Советским Союзом. Именно поэтому экономическое и культурное сотрудничество ФРГ со странами Восточной Европы и Советским Союзом, необходимость которых на словах также признавал Шрёдер, не могло быть осуществлено в 1960-е гг. Практическим устранением фактической внешнеполитической блокады СССР со стороны ФРГ, связывавшей ее прекращение с выполнением ряда условий по Западно-Берлину и ГДР, и занялся Вилли Брандт. Именно с его приходом к власти стало возможным наполнение реальным содержанием восточной политики в рамках экономического сотрудничества, культурного обмена и человеческих связей, не в последнюю очередь благодаря «политической дружбе» В. Брандта и Л. И. Брежнева.

Рождение в ФРГ концепции «новой восточной политики» относится к 1963 г., а к началу 1970-х гг. она получает свое окончательное оформление. Формулы «изменение через сближение» (*Wandel durch Annäherung*) и «политика малых шагов» (*Politik der kleinen Schritte*) были положены в основу концепции, представленной 15 июля 1963 г. в докладе Эгона Бара в Евангелической академии Тутцинга, который так и

¹ Стрелец М. В. Вилли Брандт и реалии XX в. // *Вопр. истории.* 2013. № 9. С. 149–159.

² Правящий бургомистр Западного Берлина (1957–1966), федеральный министр иностранных дел (1966–1969), федеральный канцлер ФРГ (1969–1974), депутат Европейского парламента (1979–1983), президент Социалистического интернационала (1976–1992)

³ Руководитель департамента по работе с прессой и информации Западного Берлина и пресс-секретарь Вилли Брандта (1960–1966). Именно он является автором формул «новой восточной политики» — «изменение через сближение» и «политика малых шагов». С 1966 по 1969 г. советник Брандта в министерстве иностранных дел. В качестве государственного секретаря федерального канцлера (с 1969 г.) и особого уполномоченного вел в конце 1969 г. переговоры в Москве по подготовке поездки Брандта и переговоров, следствием которых стало подписание Московского, Варшавского и Основного договора; депутат Бундестага (1972–1990).

⁴ Федеральный министр иностранных дел (1961–1966) и член Бундестага (1969–1980).

Келлер Андрей Викторович — PhD, с.н.с., Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: a.v.keller@urfu.ru

назывался — «Изменение через сближение».⁵ В этом докладе была обозначена необходимость стратегического поворота ФРГ от жесткой конфронтации и политики силы к признанию ГДР⁶ и началу интенсивного диалога с СССР, т. е. были расставлены иные акценты. Поэтому нельзя согласиться с мнением М. В. Стрельца, что социал-демократы взяли концепцию Герхарда Шрёдера, представителя партии Христианско-демократического союза (ХДС), за основу своей политики, неверно.⁷ Покажем это на примере выступлений Шрёдера и Бара.

4 июня 1962 г. Герхард Шрёдер выступил на секции «Германия, Европа и свободный мир», проведенной в рамках XI федерального съезда партии ХДС в Дортмунде, с одноименным докладом.⁸ Начнем с того, что выражения «изменение через сближение» и «новая восточная политика» в его выступлении отсутствуют, хотя в контексте его доклада прозвучала мысль о необходимости экономического и культурного сотрудничества с Восточной Европой.⁹ Докладчик недвусмысленно говорил о том, кто является его друзьями и союзниками и откуда исходит угроза — от «коммунизма». «Реальную политику» (Realpolitik) по преодолению раскола мира на два лагеря — на свободный и несвободный — и по объединению Германии, по его словам, можно проводить лишь совместно с друзьями и союзниками.¹⁰ Говоря об объединении Европы, он понимает под этим исключительно объединение западных союзников ФРГ, т. е. США, Англии и Франции («готовность

Франции стать нашей близкой союзницей», «немецко-французское примирение», вступление Великобритании в ЕЭС).¹¹ В экономическом контексте слово «интеграция» применяется исключительно в отношении стран Запада: создание Европейского объединения угля и стали (Montan-Union), Европейского сообщества по атомной энергии (Euratom), Европейского экономического сообщества (Europäische Wirtschaftsgemeinschaft).¹² Говоря о «политическом объединении и все более тесном переплетении народов», Шрёдер апеллирует все же к «коммунистическим правительствам», которые должны наконец признать и принять эту реальность. Обращаясь к «свободному миру», он также говорит о том, что ему необходимо не только политическое, но и экономическое единение.¹³ Ведя речь о роли интеграционного процесса в Европе, политик подчеркивает, что в этой связи нельзя не упомянуть США: Европа не может обойтись без их политической, экономической и военной поддержки «в противостоянии экспансивной политике коммунистического блока». В понимании Шрёдера демократия и свобода логично не ассоциировались с СССР, а тем более с ГДР, которая уничижительно называется не иначе как «Панков»¹⁴ и «зона». Характерная деталь: именно партия Шрёдера стала тем местом, где свою новую политическую родину обрели бывшие нацисты Второй мировой войны, ставшие к этому времени убежденными демократами, а поэтому испытывающие, с одной стороны, чувство солидарности друг с другом, а с другой, острую неприязнь «к незаконнорожденному» «Вилли Брандту alias Герберту Фраму», как его не раз называл один из отцов-основателей ФРГ Конрад Аденауэр.

Сотрудничество Советского Союза со странами-членами СЭВ Шрёдер небезосновательно обозначил как «колониальную эксплуатацию» со стороны СССР. При этом он противопоставил (западно)европейский рынок восточно-европейскому под эгидой СССР.¹⁵ Политик утверждал, что, «чтобы скрыть правду об успешном экономическом развитии стран ЕЭС, советское правительство прибегает

⁵ Bahr E. Wandel durch Annäherung. URL: https://www.fes.de/archiv/adsd_neu/inhalt/stichwort/tutzingen_rede.pdf (дата обращения: 12.10.2015).

⁶ И хотя Бар делает это с оговорками, контекст его заявлений иной, чем у Шрёдера. Так, он говорит по поводу своего предложения отдать комплекс вопросов по объединению Германии внутри федеральных ведомств из Министерства общенемецких вопросов в Министерство иностранных дел: «Никому поэтому не пришла в голову мысль, что данное перераспределение компетенций означает признание так называемой ГДР» (Bahr E. Op. cit.)

⁷ См.: Стрелец М. В. Указ. соч. Исследователь пишет «...используя его идеи, набирала очки другая партия»; «Видя, что концепция отбрасывания коммунизма не приносит ожидаемых политических дивидендов...». В результате может сложиться впечатление, что Брандт и Бар исходили исключительно из политической конъюнктуры подобно современным политтехнологам, а не руководствовались насущными потребностями людей, в том числе и в «восточной зоне советского сектора», как это было на самом деле.

⁸ См.: 11. Bundesparteitag der CDU 2.–5. Juni 1962 Dortmund. S. 70–82, 114–117. URL: http://www.kas.de/upload/ACDP/CDU/Protokolle_Bundesparteitage/1962-06-02-05_Protokoll_11.Bundesparteitag_Dortmund.pdf (дата обращения: 07.10.2015).

⁹ Ibid. S. 70–82.

¹⁰ Ibid. S. 71, 75, 78.

¹¹ Ibid. S. 77.

¹² Ibid. S. 72.

¹³ Ibid. S. 76.

¹⁴ Один из районов Восточного Берлина.

¹⁵ Экономика европейских стран оправилась от послевоенной разрухи, формирование «Общего рынка» давало свои положительные результаты (см.: Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса 1964–1994. М., 1996. С. 30).

к чудовищной лжи и массивным вербальным атакам».¹⁶ Он подчеркивал, что ЕЭС был создан не для соревнования с восточным блоком или его изоляции: «Мы не собираемся никого “догонять”, “перегонять” или “хоронить” <...> Общий рынок ЕС не против СССР и прочих государств восточного блока <...> мы можем представить себе более интенсивное сотрудничество между ЕЭС ... и странами восточного блока» (здесь и далее курсив автора. — А. К.).¹⁷ Отмечая пользу от такого партнерства для всех стран-участниц, он сразу оговаривается: «Думать об этом сотрудничестве реально, даже если мы лишь шаг за шагом и только после решения политических вопросов, которое удовлетворит все стороны, сможем его достичь».¹⁸ Это единственное место, где Шрёдер говорит о политике малых шагов и постепенном развитии, но с оговоркой «только после решения политических вопросов», в которой заключается принципиальное отличие позиции Шрёдера от социал-демократической концепции «изменения через сближение» Бара и Брандта. Когда Брандт пошел на сотрудничество с СССР без решения этих «политических вопросов» о послевоенных границах, статусе Западного Берлина и признании ГДР, представители партийного блока ХДС/ХСС обвинили его в «предательстве», хотя он «всегда задавал высокую нравственную планку».¹⁹

Говоря в своем докладе о (западно)европейской интеграции, Шрёдер выставляет целый список ультимативных требований в адрес советского руководства (в частности, «Советское правительство ни разу не было готово признать право на самоопределение в зоне..., но только так можно решить немецкий вопрос»),²⁰ который сводит на нет всю его миролюбивую риторику. Время «политики силы» национальных государств, как это было до начала Второй мировой войны, окончательно прошло, утверждает Шрёдер и в каком-то смысле лукавит, так как именно Бар в своей речи ясно говорит об отказе от «политики силы», которую имеет в виду Шрёдер, понимая под этим противостояние уже не национальных государств, а политических и военных блоков. Да, Шрёдер признает, что страны Варшавского договора являются частью Европы, но они должны

прекратить пропаганду ненависти к ФРГ: это опять условие, так как их утверждения о возрождении реваншизма в Германии не имеют под собой никакого основания. Начало могло бы быть положено в усилении экономических, культурных и человеческих контактов между немцами в ФРГ и восточноевропейскими народами, но никак не ГДР, которую Шрёдер не признает. Поэтому, говоря о разделенном немецком народе, страдающем от раскола между Востоком и Западом особенно остро, Шрёдер закрывает последнюю возможность облегчить участь народа Восточной Германии. В этом свете его призывы к «строительству мостов и преодолению раскола в Европе» находятся в фарватере актуальной американской политики, но звучат неубедительно.²¹ Да, Шрёдер, как и Бар (цели их по объединению Германии и по сотрудничеству между народами совпадают), аргументирует свою позицию согласно новой американской политической линии «наведения мостов», признававшей, что ужесточение политики по отношению к СССР ведет лишь к укреплению его позиций, но этот посыл сходит на нет из-за непримиримой позиции Шрёдера в отношении средств достижения цели.

Учитывая сказанное, можно признать, что концепция «политики движения» Шрёдера была связующим звеном между эрой Аденауэра²² и позднейшей политикой Вилли Брандта, Эгона Бара и Вальтера Шееля, но не являлась ее предшественницей по своему содержанию.²³ По словам Т. Оппельланда, Шрёдер был в 1972 г. одним из бескомпромиссных противников ратификации «восточных договоров», легших в основу диалога со странами Восточной Европы и СССР и позволивших усилить те «экономические, культурные и человеческие контакты», о которых говорил Шрёдер в 1962 г.²⁴ Ввиду его непримиримой позиции

²¹ Ibid. S. 79.

²² 1955 г. — объявление доктрины Хальштейна, согласно которой признание третьими странами ГДР квалифицируется как недружественный акт по отношению к ФРГ и может иметь своими последствиями санкции; фактически имела свое действие вплоть до 1969 г., с постепенным отходом от нее социал-демократов с 1963 г.

²³ Oppelland T. Der “Ostpolitiker” Gerhard Schröder. Ein Vorläufer der sozialliberalen Ost- und Deutschlandpolitik? // Historisch-politische Mittelungen. 2001. № 8. S. 74; 1 декабря 1966 г. Курт Георг Киссингер (ХДС) был выбран федеральным канцлером. В рамках большой коалиции с СДПГ Вилли Брандт получил должность федерального министра иностранных дел, к исполнению которой он приступил в январе 1967 г., переехав на служебную виллу в Бонне, в которой он проживал со своей семьей до 1974 г.

²⁴ Ibid.

¹⁶ 11. Bundesparteitag der CDU 2.–5. Juni 1962, Dortmund. S. 73.

¹⁷ Ibid. S. 74.

¹⁸ Ibid. S. 74, 75.

¹⁹ Стрелец М. В. Указ. соч. С. 149.

²⁰ 11. Bundesparteitag. S. 79, 80.

по отношению к новым восточным границам²⁵ и непризнания ГДР, политика Шрёдера в качестве министра иностранных дел ограничивалась странами восточного блока и не распространялась на СССР. Таким образом, его позиция замораживала *status quo*, а значит, не разрешала насущных вопросов восточной политики.

Заметим в этой связи, что у М. В. Стрельца наблюдается смешение двух разных концепций — компромиссной позиции Брандта-Бара, с одной стороны, и позиций Шрёдера и ХДС по поводу «единой Европы» — с другой, причем в ней не было места для СССР и стран «Восточного блока», а «единая Европа», т. е. западная, им, скорее, противопоставлялась. В подкрепление нашей точки зрения приведем вывод Оппельланда относительно «восточной политики» Шрёдера: «...его первоначальная выжидательная, а потом и последовательно отрицательная позиция по отношению к “новой” восточной и германской политике показывает, что последнюю по праву нельзя назвать продолжением концепции Шрёдера. ...он не может являться предшественником этой политики».²⁶ «Новая восточная политика» Брандта качественно отличалась от концепции Шрёдера, не предполагавшей безусловного сотрудничества со странами восточного блока независимо от взаимных претензий. Это объясняет жесткое противостояние с начала 1970-х гг. и неприятие блоком ХДС/ХСС «новой восточной политики» социал-демократов совокупно с либерал-демократами. Достаточно вспомнить биографию Райнера Барцеля, так же, как и Шрёдер, воевавшего на восточном фронте, и его риторику, чтобы понять: с этими политиками проведение «новой восточной политики» было невозможно. Именно в 1964–1973 гг., когда вырабатывались ее принципы, Барцель являлся председателем фракции ХДС/ХСС в бундестаге и находился среди тех, кто травил Брандта.

Выступление Э. Бара 15 июля 1963 г. в Политическом клубе Евангелической академии в Тутцинге выдержано совсем в ином тоне. Бар высказал сомнения в целесообразности про-

должения непримиримой политики в вопросе воссоединения Германии, приведшей к «абсолютно негативному результату». Более того, он провозгласил принципы «новой восточной политики», распространявшиеся не только на весь восточный блок и СССР, но и на ГДР. Бар подчеркнул, что вопрос воссоединения Германии может быть решен только при участии Советского Союза, имеющего в Восточной Германии веский аргумент — 20 советских дивизий.²⁷ Именно здесь он говорит о необходимости признания ГДР и о целесообразности политики США, нацеленной не на жесткое противостояние, а на изменение природы отношений между Востоком и Западом, статус-кво: «Коммунистическое господство должно быть не устранено, а изменено. Политика “все или ничего” должна быть прекращена, так как ведет лишь к замораживанию конфликта. Или свободные выборы или ничего. Или общенемецкие выборы или твердое нет. Или выборы как первый шаг или отклонение всех предложений — это все слишком устарело и не соответствует действительному положению вещей. Сегодня ясно, что объединение Германии — это многоступенчатый процесс». При этом Бар ссылается на президента США Джона Кеннеди: «Интересы других государств должны быть признаны и учтены».²⁸ ГДР Бар также называет «зоной», констатируя факт, что ее невозможно вырвать из сферы советского влияния, поэтому необходимо изменение «господствующего ненавистного режима» сталиниста Ульбрихта, отказавшись от «политики силы».

Политика «малых шагов», по словам Бара, предполагает признание ГДР. Понятно, что ФРГ в те годы следовала внешнеполитическому курсу США, и если американский президент сформулировал задачу расширения экономических контактов с восточным блоком, совпадавшую с намерениями социал-демократов, к ее решению можно было приступить без проблем. Христианские демократы и Шрёдер пользовались той же риторикой, что и Барцель и американские союзники, но вкладывали в нее иной смысл. «Если мы по праву не можем признать политический режим Ульбрихта, — говорит Бар, — то мы, тем не менее, должны использовать те формы взаимодействия, которые имеются».²⁹

²⁵ После окончания войны на территорию Западной Германии прибыло около 15 млн немецких беженцев из Богемии, Силезии, Восточной Пруссии и стран Восточной Европы, требованием которых было возмещение убытков вследствие их изгнания и потери имущества. Это было отчасти причиной того, что вопрос о западной границе Польши оставался открытым.

²⁶ Oppelland T. Op. cit. S. 93, 94.

²⁷ См.: Bahr E. Op. cit.

²⁸ Ссылка на речь Дж. Кеннеди «Strategy of Peace», произнесенную 10 июня 1963 г. в Американском университете.

²⁹ Bahr E. Op. cit.

Целенаправленное проведение продекларированной в 1963 г. «новой восточной политики» стало возможным после выборов Брандта федеральным канцлером в 1969 г.³⁰ Брандт был подходящим партнером для Брежнева, ведь он заложил качественно новые характеристики диалога: «доверительность, открытость, содержательн[ую] насыщенность, готовность к обсуждению проблем “замороженных конфликтов”, нацеленность на практический результат».³¹

*Диалог Брежнева и Брандта —
сотрудничество на всех уровнях*

Понимание успеха «новой восточной политики» будет неполным, если не выяснить роль в этом процессе СССР и лично Л. И. Брежнева через призму его отношений с В. Брандтом. Принципиально важным в глазах Брежнева был тот факт, что Брандт принадлежал партии социал-демократов и находился во время Второй мировой войны в антифашистском подполье. Жест покаяния — коленопреклонение Брандта при посещении памятника жертвам восстания Варшавского гетто 7 декабря 1970 г., — стал убедительнее для мировой общественности, чем все политические речи, внутрипартийная тактика и расчет.³² Но этот жест Брандта вызвал жесткую критику не только политических оппонентов, но и членов его партии. С советской стороны отношение также было неоднозначным. Шаги СССР на сближение с Западом сопровождалась борьбой «коалиций» в Кремле, но все же определяющим оказалось желание «первого» идти на сближение и диалог вместо конфронтации, т. е. политика «разрядки» Брежнева. Этому соответствовала и концепция «новой восточной политики» Брандта и его ближайшего окружения.

³⁰ Боффа Дж. Указ. соч. С. 32.

³¹ Васильев В. И. Вилли Брандт и Россия // *Обозреватель = Observer*. 2013. № 9. С. 126.

³² Яркие антисоветчики Шрёдер, Барцель и Штраус посылали проклятия в адрес Брандта после подписания Московского договора в 1970 г., и их можно было понять, ведь они представляли те 15 млн немецких беженцев из Восточной Европы, многие из которых принадлежали их партии и ждали справедливого возмещения потерянного ими после их изгнания после 1945 г. с их родины на историческую родину. Последствия этой гуманитарной катастрофы, стоявшей в начале истории молодой республики и сопровождавшейся погромами, во время которой были изгнаны миллионы человек гражданского населения, не могли пройти для нее бесследно. Автору этой статьи в 2007 г. довелось слышать выступление одного из представителей беженцев на мероприятии, посвященном памяти жертв изгнания, и представьте его удивление, когда выступающий предложил такую интерпретацию Второй Мировой войны: «... красные орды советских солдат вторглись в Германию».

Личные отношения играли для Брежнева «колоссальную роль».³³ Он был взволнован, когда узнал о политическом кризисе в апреле 1972 г. и возможной отставке Брандта в случае вотума недоверия в немецком парламенте. Брандт, благодаря своему «невероятному обаянию»,³⁴ смог создать с Брежневым доверительные отношения. О Брежневе существуют диаметрально противоположные мнения. По выражению Роя Медведева, Брежнев был «посредственной личностью и заурядным политиком», но «не был вместе с тем человеком злобным и жестоким».³⁵ Он отмечает также такие черты характера, как крайнее тщеславие, зависть, комплекс неполноценности и пристрастие к похвалам наряду с благожелательностью, попустительством и сентиментальностью: «Он не любил осложнений и конфликтов ни в политике, ни в личных отношениях со своими коллегами».³⁶ Если у Сталина «никогда не было настоящих личных друзей», то у Брежнева их было очень много, и его личная власть крепилась «не столько на основе страха, сколько на основе личных связей».³⁷

Леонид Млечин, реконструируя портрет Брежнева, делает упор на его человеческих качествах, позволивших ему утвердиться во власти. По мнению автора, Брежнев подходил «на роль лидера больше других. Не всегда хмурый Косыгин, не тонкогубый Сулов с лицом инквизитора, не грубоватый Подгорный, а красивый, улыбочивый, доброжелательный Леонид Ильич. <...> Он был импозантным, артистичным, умел вести себя, знал, как надо говорить с тем или иным человеком, сразу становился центром большой компании, производил очень благоприятное впечатление».³⁸ Этот портрет может быть дополнен высказыванием Мэлоура Стуруа о противоречивых сторонах его характера: «Брежневых было два — сентиментальный и беспощадный, эпикуреец и мастер политической интриги, пышущий здоровьем жизнелюбец и человеческая развалина».³⁹ А вот очень ценное мнение Брандта по поводу личных характеристик его «советского друга»: «Брежнев

³³ Willi Brandt und Leonid Breschnew. *Mitteldeutscher Rundfunk* (2010). URL: <http://www.mdr.de/damals/artikel69762.html> (дата обращения: 03.09.2015) (in German).

³⁴ См.: Müller A. *Brandt aktuell. Treibjagd auf einen Hoffnungsträger*. Frankfurt am Main, 2013.

³⁵ Медведев Р. А. *Личность и эпоха: Политический портрет Л. И. Брежнева*. Кн. 1. М., 1991. С. 5, 295.

³⁶ *Ibid.* S. 285–295, 296.

³⁷ *Ibid.* S. 296.

³⁸ Млечин Л. *Брежнев*. М., 2008. С. 45, 46.

³⁹ Стуруа М. *Неделя*. 1988. № 43, С. 16.

мог быть импульсивным, даже вспыльчивым. Время от времени его переполняли сильные эмоции, ... «русская душа», которая не стесняется неожиданных слез. У него было чувство юмора». ⁴⁰ Генри Киссинджер, советник президента США Ричарда Никсона, считал, что Брежнев «был искренен в своем желании дать передышку своей стране». ⁴¹ Никсон вспоминал в 1974 г. о встречах с Брежневым в 1972 и 1973 гг.: «Я нашел Брежнева более интересным и впечатляющим, чем во время нашей первой встречи. <...> Его поведение и юмор были почти озорными на встречах с общественностью. <...> Брежнев демонстрировал типично русское сочетание высокой дисциплинированности в одних случаях с ее полным отсутствием в других». ⁴²

В этих описаниях мы находим человеческие качества, необходимые для выстраивания диалога между Западом и Советским Союзом, которому этот диалог был жизненно важен. В свете актуальных событий это можно сказать и по отношению к странам Запада. Модель сотрудничества Советского Союза в экономической сфере выстраивалась на основе бартерных и кредитных соглашений с западноевропейскими компаниями и финансовыми институтами, заключенных в предыдущие годы. Именно сделка «Трубы — Газ» являлась органической частью «новой восточной политики» Бонна. ⁴³ Как отметили Перович и Кремпин, идея совершенствования политических отношений посредством торговли являлась важным элементом установления более тесных экономических связей между Восточной и Западной Европой начиная уже с конца 1960-х и на протяжении 1970-х и 1980-х гг. «Новой» восточная политика потому и называлась, что она принципиально отличалась от «старой», проводившейся более консервативной частью политического истеблишмента в 1960-е гг. Ее кардинальное изменение стало возможным только с приходом к власти Вилли Брандта и его команды.

Уже в 1969 г. начинаются переговоры предприятий «Союзнефтеэкспорт» и «Союзгазэкс-

порт» с Ruhrgas AG. 1 февраля 1970 г. федеральный министр экономики Карл Шиллер и министр внешней торговли СССР Н. С. Патолитчев присутствуют для придания политического веса при подписании договора между Ruhrgas AG, Министерством газовой промышленности (будущий Газпром) и консорциумом, состоящим из 17 банков под эгидой Deutsche Bank AG, в отеле «Кайзерхоф» в г. Эссен. Согласно договору, Советский Союз обязывался поставлять Германии с 1973 г. 500 млн м³, а после 1978 г. — 3 млрд м³ природного газа ежегодно. Немецкая сторона в лице концерна Mannesmann AG обязывалась поставить 1,2 млн т труб большого диаметра, необходимых для строительства газопроводов. В рамках этого договора СССР получал выгодный кредит в размере 1,2 млрд немецких марок. ⁴⁴

В августе 1970 г. Брандт впервые приезжает в Москву для подписания Московского договора ⁴⁵ между ФРГ и СССР, а в мае 1973 г. Брежнев наносит первый официальный визит в ФРГ. 1 февраля 1970 г. заключено соглашение «Трубы — Газ», а 1 октября 1973 г. начались первые поставки советского газа в Западную Германию. ⁴⁶ Настойчивость Брежнева приносила свои плоды. Брандт вспоминал: «Пребывание Брежнева в мае 1973 г. проходило под знаком шума и суеты. Русский был в плохой форме. Он выглядел уставшим и вялым, казалось, что ему не по себе в непривычной обстановке». И тем не менее, в этот раз был заключен десятилетний договор о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества: «Брежнев пел все ту же песню, которую я знал наизусть. Не хотели ли бы мы принять участие в разработке и освоении огромных природных запасов, прежде всего в Сибири? Не только природного газа и угля, но также ценных рудных залежей. И нигде

⁴⁴ 01. Februar 2005 — Vor 35 Jahren: Unterzeichnung des Erdgas-Röhren-Vertrags in Essen. Pipeline durch den eisernen Vorhang // URL: <http://www1.wdr.de/themen/archiv/stichtag/stichtag1396.html> (дата обращения: 09.10.2015).

⁴⁵ Московский договор (12.08.1970), Варшавский договор (07.12.1970), Четырехсторонне соглашение по Западному Берлину (03.09.1971), Протокол почтовых сообщений и связи (30.09.1971), Договор о транзите (17.12.1971), Договор по пересечению немецко-немецкой границы (26.05.1972), Основопологающий договор (21.12.1972) и Пражский договор (11.12.1973).

⁴⁶ О российско-германском энергетическом сотрудничестве см.: Смирнов С. В. У истоков российско-германского энергетического взаимодействия (70-е годы XX в.) // Вестн. МГИМО. 2011. № 2. С. 193–201; Bösch F. Energy Diplomacy: West Germany, the Soviet Union and the Oil Crises of the 1970s // Historical Social Research. 2014. Vol. 39, Issue 4. P. 165–185; Perović J., Kremplin D. Op. cit. P. 113–144.

⁴⁰ Brandt W. Breschnew: vertrauensvolle Gegnerschaft // Der Spiegel. 1982. № 46. S. 148.

⁴¹ Kissinger H. White House Years. Boston; Toronto, 1979. P. 1147–1149, Cit. in: Медведев П. А. Указ. соч. С. 314, 315.

⁴² The Memoirs of Richard Nixon. Vol. 2. New York, 1979. P. 432–434, Cit. in: Медведев П. А. Указ. соч. С. 316, 317.

⁴³ Perović J., Kremplin D. «The Key is in Our Hands»: Soviet Energy Strategy during Détente and the Global Oil Crises of the 1970s // Historical Social Research. 2014. Vol. 39. Issue 4. P. 125.

в мире нет больше таких богатых запасов леса. Конечно же, сказал он, [политические] системы различны: «У нас можно отдавать приказы, у вас по-другому. И все же, если лидеры дают соответствующие импульсы, бизнесмены должны также начать думать другими категориями (не холодной войны. — А. К.). Я и мои люди готовы к смелым планам».⁴⁷

Брандт выступал за то, чтобы не принимать скоропалительных решений и не проводить политических акций, направленных против СССР: «стороны должны приспособиться друг к другу. Во всяком случае, в этом вопросе имеется понимание того, что Брежнев говорит по этому вопросу».⁴⁸ Победа, которую Вольфганг Шмидт назвал триумфом федерального канцлера и его «восточной политики», сделала возможным выход ФРГ на международную политическую арену как самостоятельного субъекта международных отношений.⁴⁹ Возможно, отношения развивались не так, как хотелось, замечает скептический ученый,⁵⁰ но в мае 1973 г. между ФРГ и СССР было подписано соглашение, которое сделало возможным экономическое, промышленное и техническое сотрудничество, а также культурный обмен. Реальная смена парадигм от конфронтации к сотрудничеству и конвергенции систем среди советского руководства началась с Брежнева.⁵¹ В этом наша позиция сходжа с позицией Ф. Бёша, назвавшего процессы первой половины 1970-х гг., во-первых, «динамичным переломом», сопровождавшимся «фундаментальными общественными изменениями», и, во-вторых, изменением политической составляющей «после [экономического] бума».⁵²

Подписав Московский договор,⁵³ Брандт и Брежнев сделали свой вклад в движение,

логическим завершением которого в ретроспективе явилось падение Берлинской стены в 1989 г.⁵⁴ Понятно, что они не могли предусмотреть все последствия своих действий. Решающим было другое — их твердое желание сделать мир безопасным, стабильным и экономически более устойчивым, а также выстраивать отношения на долгосрочной основе. Брежнев в разговоре с Брандтом 18 мая 1973 г. подтвердил, что «он за договоренности на 30, 40 или 50 лет».⁵⁵ Ближайший помощник Брандта, один из архитекторов «восточной политики» Эгон Бар говорит об исключительно положительной эмоциональной реакции Брежнева по отношению к Брандту после их первой встречи в мае 1970 г., которая стала залогом выстраивания их конструктивного диалога.⁵⁶ И хотя В. Шмидт утверждает, ссылаясь на Брандта, что в это время между политиками не произошло еще личного сближения, можно говорить о психологическом перевороте в их отношениях, отразившемся в сдержанных словах немецкого коллеги в адрес Брежнева: «Интересная личность».⁵⁷ Без этого переворота «новая восточная политика», строящаяся на единственно возможном сочетании официальных переговоров и общения в режиме back-channels, была, при сложном политическом положении и идеологически окрашенной острой политической борьбе в Германии того времени, в принципе невозможна.⁵⁸ Без Брандта, но и без Брежнева не было бы ни договоренностей в Эрфурте и Касселе, ни Берлинского договора с ГДР.⁵⁹ Без Брежнева не было бы и Нобелевской премии мира для Брандта.⁶⁰ Особый «эмоциональный костюм» первого лица, позволявший располагать к себе собеседника и убеждать

⁴⁷ Brandt W. Erinnerungen. Berlin, 1989. S. 209–211.

⁴⁸ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland 1973. Bd. II. S. 759, 760.

⁴⁹ Schmidt W. Willy Brandts Ost- und Deutschlandpolitik // Bernd Rother, Willy Brands Außenpolitik. Wiesbaden, 2014. S. 222.

⁵⁰ Ibid. S. 224, 225.

⁵¹ Внутриполитическую кратковременную «оттепель» Н. С. Хрущева также можно было бы опосредованно поставить в этот контекст, если бы эта политика действительно отразилась на снижении напряженности. Этого нельзя сказать ввиду начала ядерной гонки вооружений, строительства Берлинской стены (1961) и Карибского кризиса (1962).

⁵² Bösch F. Zweierlei Krisendeutungen: Amerikanische und bundesdeutsche Perspektivierungen der 1970er Jahre // Neue Politische Literatur, 2013, Jg. 58, I. S. 218.

⁵³ См. напр.: Link W. Die Entstehung des Moskauer Vertrages im Lichte neuer Archivalien Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte Heft, 2000. 2/49: 295–317; Архитектор «восточных договоров» (Ostverträge) госсекретарь Эгон Бар работал в тесном сотрудничестве с министром иностранных дел ФРГ Вальтером Шеелем (СвДП), см. Bahr E. Der Architekt der Ostverträge, URL: [http://www.faz.net/aktuell/egon-bahr-der-architekt-der-](http://www.faz.net/aktuell/egon-bahr-der-architekt-der-ostvertraege-11770321.html)

[ostvertraege-11770321.html](http://www.faz.net/aktuell/egon-bahr-der-architekt-der-ostvertraege-11770321.html); Die Ostverträge — Ein Meilenstein auf dem Weg zu einem freien Europa. Veranstaltung zu 40 Jahre Moskauer und Warschauer Verträge am 6. Dezember 2010, im Willy-Brandt-Haus, Berlin. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=9azQz609aEs> (дата обращения: 04.09.2015).

⁵⁴ Link W. Op. cit. S. 315.

⁵⁵ Из разговора Брежнева с Брандтом 18 мая 1973 г., см.: Akten zur Auswärtigen Politik. S. 716.

⁵⁶ См.: Tetsuji Senoo. Ein Irrweg zur deutschen Einheit? Egon Bahrs Konzeptionen, die Ostpolitik und die KSZE 1963–1975. Frankfurt/M., 2011; Эгон Бар скончался 20.08.2015 г.

⁵⁷ Willi Brandt und Leonid Breschnew.

⁵⁸ См.: Rother B. Willy Brandts Außenpolitik. Wiesbaden, 2014. S. 206; Контакт между Брандтом и Брежневым длился 11 лет вплоть до смерти генерального секретаря в 1981 г.

⁵⁹ 19 марта и 21 мая 1970 г. Брандт встречается в Эрфурте и в Касселе с председателем Совета министров ГДР Вилли Штофом.

⁶⁰ Leonid Breschnew — kann man ihm trauen? // Der Spiegel. 1971. 51. 13 Dez. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-44914667.html> (дата обращения: 03.09.2015).

в осуществлении нужных шагов, сыграл положительную роль в выстраивании отношений с западными политиками.

В результате интенсификации «энергетического диалога» с Австрией и ФРГ с конца 1960-х годов стал возможным быстрый рост нефти и природного газа в Западной Сибири, прежде всего за счет тюменской нефти, —

с 31,4 млн т в 1970 г. до 368 млн т в 1985 г.⁶¹ Применительно к сложившемуся позитивному тренду в первой половине 1970-х гг. принципиально важно отметить, что без конструктивной поддержки Советского Союза и активной роли Брежнева «новая восточная политика» Брандта не была бы возможной в том виде, в каком она проводилась с 1969 г.⁶²

Andrey V. Keller

PhD, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: a.v.keller@urfu.ru

WILLY BRANDT'S "OSTPOLITIK" IN THE CONTEXT OF ECONOMIC COOPERATION
BETWEEN THE FRG AND THE USSR IN 1963–1973

The article demonstrated that the formally similar positions of the Christian Democrat Gerhard Schroeder and the social democrat Willy Brandt on eastern policy issues proved, under closer scrutiny, to be quite different. Therefore it was no coincidence that Brandt and his press secretary Egon Bahr referred to it as the "new eastern policy" (*neue Ostpolitik*): it determined the new format for the dialog with the countries of the so-called eastern block led by the Soviet Union. The difference in Schroeder's and Brandt's positions was becoming more and more evident beginning from the end of 1969, when Brandt who already held the position of the Federal Chancellor dramatically accelerated the efforts towards its implementation. A conclusion is drawn that it was because of the constructive positions of Willy Brandt and Leonid Brezhnev that during the relatively short period — from 1970 to 1973 — a number of "eastern treaties" (*Ostverträge*) had been signed, or the agreements on renunciation of violence (*Gewaltverzichtsverträge*). The Brandt — Brezhnev close dialog factor was a prologue to deescalation in international relations. The fall of the Berlin wall in 1989 was the logical continuation of this policy.

Keywords: *Leonid Brezhnev, Willy Brandt, the "new Ostpolitik", "cold war", relaxation, energy security, "new thinking"*

REFERENCES

- Acts to the foreign politics of the Federal Republic of Germany in 1973*, Vol. 2 Munich: Oldenbourg science publishing company Publ., 2004, 2301 p. (in German).
- Boffa D. *Ot SSSR k Rossii. Istoriya neokonchennogo krizisa 1964–1994* [From the USSR to Russia. History of unfinished crisis 1964–1994]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1996. 320 p. (in Russ.).
- Bösch F. *Energy Diplomacy: West Germany, the Soviet Union and the Oil Crises of the 1970s*. Historical Social Research, Vol. 39, 2014, no. 4, pp. 165–185. (in English).
- Bösch F. *Experts and politics: Scientific politics consultation in historical perspective*. Berlin: Duncker & Humblot Publ., 2004, 384 p. (in German).
- Bösch F. *Two things crisis interpretations: American and German Federal Perspektivierungen of the 1970s*. New political literature, 2013, no. 58, pp. 217–230. (in German).
- Brandt W. *Recollections*. Berlin: Ullstein Buchverlage GmbH Publ., 1989. 512 p. (in German).
- Karpov V. P. *Istoriya sozdaniya i razvitiya Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa* [History of creation and development of the West Siberian oil and gas complex]. Tyumen: Tyumen. Uni. Publ., 2005. 316 p. (in Russ.).

⁶¹ Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990). Тюмень, 2005. Цит. по: Карпов В. П., Тимошенко В. П. Энергетика и геополитика: тюменский фактор // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2014. № 2. С. 87; Тимошенко В. П. Компенсационные соглашения в программах освоения Сибири в 1960–1980-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 61.

⁶² См.: *Akten zur Auswärtigen Politik ...* S. 710.

- Karpov V. P., Timoshenko V. P. *Energetika i geopolitika: tyumenskiy faktor* [Power and geopolitics: Tyumen factor]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, no. 2, pp. 84–91. (in Russ.).
- Kissinger H. *White House Years*. London: Weidenfeld and Nicolson Publ., 1979. 1521 p. (in English).
- Medvedev R. A. *Lichnost i epokha: Politicheskiy portret L. I. Brezhneva* [Personality and era: Political portrait of L. I. Brezhnev]. Vol. 1. Moscow: Novosti Publ., 1991. 336 p. (in Russ.).
- Mlechin L. *Brezhnev* [Brezhnev]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2008. 620 p. (in Russ.).
- Müller A. *Brandt topically. Battue on a hope bearer*. Frankfurt am Main: Westend Verlag Publ., 2013. 158 s. (in German).
- Perovič J. *Rise of Russia to the energy great power. History of a whole-European interweaving*. Osteuropa, 2013, no. 63, 2013, no. 5–28. (in German).
- Perović J., Krempin D. “The Key is in Our Hands”: Soviet Energy Strategy during Détente and the Global Oil Crises of the 1970s. Historical Social Research, 2014, vol. 39, no. 4, pp. 113–144. (in English).
- Schmidt W. *Willy Brandt’s east politics and German policy*. Willy Brandt’s foreign affairs. Wiesbaden: Springer Verlag Publ., 2014, pp. 161–258 (in German).
- Smirnov S. V. *U istokov rossiysko-germanskogo energeticheskogo vzaimodeystviya (70-e gody XX v.)* [At sources of the Russian-German power interaction (the 70th years of the XX century)]. Vestnik MGIMO, 2011, no. 2, pp. 193–201. (in Russ.).
- Strelets M. V. *Villi Brandt i realii XX v.* [Willie Brandt and realities of the XX century]. Voprosy istorii, 2013, no. 9, pp. 149–159. (in Russ.).
- Timoshenko V. P. *Kompensatsionnye soglasheniya v programmakh osvoeniya Sibiri v 1960–1980-e gg.* [Compensation agreements in programs of development of Siberia in the 1960–1980th]. Gumanitarnye nauki v Sibiri, 2011, no. 2, pp. 59–63. (in Russ.).
- Tetsuji S. *A wandering path to the German unity? Egon Bahr’s concepts, the east politics and the KSZE 1963–1975*. Frankfurt am Main, 2011. 415 p. (in German).
- The Memoirs of Richard Nixon*. New York, 1979, vol. 2. 1111 p. (in English).
- Vasilev V. I. *Villi Brandt i Rossiya* [Willie Brandt and Russia]. Obozrevatel – Observer, 2013, no. 9, pp. 126. (in Russ.).
- Willy Brandt’s foreign affairs*. Wiesbaden: Springer Verlag Publ., 2014. 360 p. (in German).